

УГОЛОВНОЕ ПРАВО CRIMINAL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-21-28

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.2

Дата поступления: 20.10.2021
рецензирования: 28.11.2021
принятия: 21.03.2022

Административная преюдиция в контексте разноотраслевого понимания ее признаков в уголовном праве России и Беларуси

В. В. Хилюта

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: tajna@tut.by

Аннотация: В статье рассматривается понимание административной преюдиции в уголовном праве Российской Федерации и Республики Беларусь. Автором поднимается проблема понимания административной преюдиции через призму времени совершения преступления и обратной силы действия уголовного закона. Также обсуждается вопрос об обоснованности привлечения лица к уголовной и административной ответственности в случае совершения преступления с признаками административной преюдиции. Автор приходит к выводу о том, что административная преюдиция есть признак субъекта преступления, а не объективной стороны состава преступления. Обосновывается также положение о том, что привлечение лица за повторное или неоднократное правонарушение к административной, а не уголовной ответственности не может в дальнейшем служить повторным основанием для того, чтобы виновное лицо уже за совокупность повторяемых тождественных деяний было привлечено к уголовной ответственности. По этой причине никто не может нести дважды ответственность за одно и то же деяние.

Ключевые слова: административная преюдиция; уголовный закон; действие уголовного закона; время совершения преступления; правонарушение; преступление.

Цитирование. Хилюта В. В. Административная преюдиция в контексте разноотраслевого понимания ее признаков в уголовном праве России и Беларуси // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-21-28>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Хилюта В. В., 2022

Вадим Владимирович Хилюта – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовно-процесса и криминалистики, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 230029, Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.10.2021
Revised: 28.11.2021
Accepted: 21.03.2022

Administrative precedence in the context of a multisectoral understanding of its features in the criminal law of Russia and Belarus

V. V. Khilyuta

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus
E-mail: tajna@tut.by

Abstract: The article discusses the understanding of administrative precedence in the criminal law of the Russian Federation and the Republic of Belarus. The author raises the problem of understanding the administrative precedence through the prism of the time when the crime was committed and the retroactive effect of the criminal law. The question of the validity of bringing a person to criminal and administrative responsibility in the event of a crime with signs of administrative precedence is also discussed. The author concludes that the administrative precedence is a sign of the subject of the crime, and not of the objective side of the corpus delicti. It is also justified that bringing a person for

repeated or repeated offenses to administrative rather than criminal responsibility cannot in the future serve as a repeated basis for the perpetrator to be prosecuted for a set of repeated identical acts. For this reason, no one can be held responsible twice for the same act.

Key words: administrative precedence; criminal law; operation of criminal law; time of commission of crime; offense; crime.

Citation. Khilyuta V. V. *Administrativnaya preyuditsiya v kontekste raznootraslevogo ponimaniya ee priznakov v ugovolnom prave Rossii i Belarusi* [Administrative precedence in the context of a multisectoral understanding of its features in the criminal law of Russia and Belarus]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-21-28> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Khilyuta V. V., 2022

Vadim V. Khilyuta – Doctor of Laws, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Yanka Kupala State University of Grodno, 22, Ozheshko Street, Grodno, 230029, Republic of Belarus.

В правоприменительной практике, как России, так и Беларуси, все еще встречаются вопросы, связанные с толкованием признаков преступления и тех аспектов, которые касаются административной преюдиции в различных ее вариациях. Речь, в частности, идет о ситуациях, когда в уголовный закон вводится новый состав преступления с административной преюдицией, но само административное правонарушение, которое в последующем и образует качественно иное деяние, в случае его повторного совершения, было осуществлено лицом до того момента, когда в уголовный закон была введена правовая норма с признаками административной преюдиции.

Заметим в этом отношении, что понимание сути данной проблемы на уровне доктрины уголовного права и правоприменительной практики существенным образом отличается в праве России и Беларуси, что поднимает на новый уровень вопрос о преюдициальном значении совершения преступления на территории иностранного государства.

Проиллюстрируем это на конкретной ситуации, которая в настоящее время приобрела особую актуальность и вызвала множество споров среди правоприменителей в части толкования признаков преступления в Республике Беларусь. Причем эта проблема характерна и для Российской Федерации, о чем будет также сказано далее.

Так, законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З были внесены изменения и дополнения в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК РБ). В частности, законодатель ввел уголовную ответственность за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления (ст. 317² УК РБ).

В настоящее время преступным признается «управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления этим средством, если это деяние совершено неоднократно» (ч. 1 ст. 317² УК РБ). Ответственность усиливается, если это же деяние совершено лицом, ранее совершившим данное преступление (ч. 2 ст. 317² УК РБ). Ключевой момент здесь состоит в понимании того, что же при этом считать неоднократностью. В примечании к ст. 317² УК РБ законодатель поясняет, что применительно к данной статье «деяние признается совершенным лицом неоднократно,

если это лицо в течение одного года после наложения административного взыскания за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления этим средством, предусмотренного ч. 2 ст. 18.14 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, вновь управляло транспортным средством, не имея права управления этим средством».

Согласно ст. 18.14 КоАП РБ (управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления) установлена административная ответственность за «управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления этим средством, а равно передачу управления транспортным средством лицу, не имеющему права управления». А вот уже в ч. 2 ст. 18.14 КоАП РБ предусмотрена ответственность за «те же действия, совершенные повторно в течение одного года после наложения административного взыскания за такие же нарушения». Иначе говоря, речь идет о двукратной административной преюдиции, что означает буквально следующее. Для того, чтобы лицо можно было привлечь к уголовной ответственности по ст. 317² УК РБ, необходимо, чтобы оно дважды было привлечено к административной ответственности.

Проблема же, которую мы попытаемся обозначить, состоит примерно в следующем. Представим себе, что в течение 2021 г. лицо дважды привлекалось к административной ответственности по ст. 18.14 КоАП РБ за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления. Первый раз – в апреле 2021 г., а второй раз – в мае 2021 г. Третий раз факт управления транспортным средством без соответствующих прав был уже зафиксирован в октябре 2021 г., т. е. именно тогда, когда уже действовала ст. 317² УК РБ. Вот здесь и возник вопрос о том, можно ли это лицо привлечь к уголовной ответственности по данной норме, ведь административные правонарушения были им совершены в тот период, когда уголовный закон не предусматривал уголовной ответственности за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления? Или данные обстоятельства не имеют значения по той причине, что третье деяние, которое в общем-то и образует преступление, было совершено лицом в тот мо-

мент, когда уже уголовный закон за эти действия предусматривал уголовную ответственность.

Формально позиция органов предварительного следствия базируется сегодня на второй, озвученной нами, позиции. Еще раз обратим внимание: работники правоохранительных органов утверждают, что деяние (управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления) было совершено виновным лицом в тот момент, когда уголовная ответственность за данное преступление уже была установлена. А то обстоятельство, что лицо ранее привлекалось к административной ответственности за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления (ст. 18.14 КоАП РБ) в период, когда уголовный закон не содержал вышеуказанной уголовно-правовой нормы, не имеет принципиального значения. Потому что именно с момента совершения лицом третьего действия оно образует качественно иное деяние, которое вбирает в себя все предыдущие факты правонарушений и становится преступлением. Иначе говоря, в этой ситуации количество перерастает в качество. Но не это самое главное, а главное то, что существенное значение в таком случае имеет личность лица, допустившего неоднократное нарушение законодательства. И поскольку третье деяние, которое и образует признаки преступления, было допущено лицом в период, когда уже существовала уголовная ответственность за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления, то подобные случаи должны рассматриваться именно как преступление. Лицо дважды привлекалось к административной ответственности, и неважно, что это было в тот период, когда ст. 317² УК РБ в законе не было.

Так, органами предварительного следствия С. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 317² УК РБ – управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления этим средством, если это деяние совершено неоднократно. 5 марта 2021 г. С. был привлечен к административной ответственности за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления им по ч. 1 ст. 18.14 КоАП РБ. 26 апреля 2021 г. С. был вновь привлечен к административной ответственности за повторное управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления по ч. 2 ст. 18.14 КоАП РБ. 22 сентября 2021 г. С. вновь допустил такое же правонарушение и судом был подвергнут административному взысканию по ч. 2 ст. 18.14 КоАП РБ. Все административные взыскания С. были исполнены в полном размере. Однако 18 октября 2021 г. в отношении С. было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 317² УК РБ, и по приговору суда С. был признан виновным. На предварительном следствии и в ходе судебного заседания С. свою вину не признал и указывал на то, что административные правонарушения 5 марта и 26 апреля 2021 г. были совершены им до вступления в силу изменений в УК и эти правонарушения

не могут составлять административную преюдицию. Более того, как указывал сам обвиняемый, по третьему факту – правонарушению, совершенному 22 сентября 2021 г., он уже был подвергнут административной ответственности, поэтому С. не мог быть наказан в уголовно-правовом порядке и привлечен к ответственности по ч. 1 ст. 317² УК РБ [1].

Позиция, которая может быть высказана против обозначенной точки зрения, основана на следующих доводах и аргументах.

Согласно ч. 3 ст. 9 УК РБ «закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, совершившего это деяние, обратной силы не имеет». Такое же правило зафиксировано в ст. 10 УК РФ. Здесь принципиальный момент состоит в том, что закон не имеет обратной силы, когда он *иным образом ухудшает положение лица*. Именно таким образом следует толковать ситуации, связанные с административной преюдицией, т. е. акцент делается на том, что формально лицо должно быть привлечено к административной ответственности уже после того, когда уголовно-правовая норма была введена в УК. Потому как подобная ситуация как раз таки связана с тем, что ухудшается положение лица. На наш взгляд, это пока единственное основание, которое может свидетельствовать в пользу неприменения ст. 317² УК РБ к случаям, связанным с привлечением лица к административной ответственности до введения нормы с административной преюдицией в уголовный закон.

Но второе основание может касаться понимания ч. 1 ст. 9 УК РБ, и связано оно со временем совершения преступления. Общее правило, зафиксированное в ч. 1 ст. 9 УК РБ, гласит, что «преступность и наказуемость деяния определяются законом, действовавшим во время совершения этого деяния. Временем совершения деяния признается время осуществления общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий». Об этом же сказано и в ст. 9 УК РФ.

То есть речь идет об общественно опасном действии (бездействии), которое и имеет существенное значение. Вопрос только состоит в том, как понимать это действие в составе преступления с признаками административной преюдиции. Если исходить из того, что преступление составляет не один разовый случай, а все три (применительно к ст. 317² УК РБ), то именно все эти три случая нарушения административного законодательства в совокупности образуют преступление, а не в отдельности. Некую аналогию (хотя весьма условную) здесь можно проводить с криминализацией действий, которые ранее не предусматривали признака административной преюдиции, а при принятии нового закона такой признак стал обязательным для привлечения лица к уголовной ответственности.

Так, А. признан виновным в разбое, причинившем ущерб в особо крупном размере, умышленном убийстве из корысти, совершенном с

особой жестокостью, ношении иного холодного оружия без соответствующего разрешения, похищении у граждан паспортов. В протесте заместителя председателя Верховного Суда Республики Беларусь ставился вопрос об изменении состоявшихся судебных решений в части осуждения по ч. 3 ст. 213 УК 1960 г. в связи с изменением законодательства. Рассмотрев дело и обсудив протест, Президиум Верховного Суда Республики Беларусь находит протест подлежащим удовлетворению исходя из следующего. Законом Республики Беларусь от 18.07.2000 «О введении в действие Уголовного кодекса Республики Беларусь» (далее – Закон) с 1 января 2001 г. введен в действие Уголовный кодекс 1999 г. В силу положений п. 3 ч. 1 ст. 4 Закона подлежат освобождению от наказания лица, осужденные по Уголовному кодексу 1960 г. до 1 января 2001 г. за деяние, которое согласно Уголовному кодексу 1960 г. признавалось преступлением, но не имело среди характеризующих его признаков административную преюдицию и в соответствии с Уголовным кодексом признается преступлением, если оно совершено в течение года после наложения административного взыскания за такое же деяние. Согласно ч. 1 ст. 296 УК 1999 г. уголовная ответственность установлена за незаконное ношение холодного оружия, если оно имело место в течение года после наложения административного взыскания за такие же действия. Как видно из материалов дела, А. признан виновным в том, что без соответствующего разрешения в течение 8–9 августа 1999 г. носил при себе нож, являющийся холодным оружием. К административной ответственности за такие действия он не привлекался. Учитывая правила об обратной силе уголовного закона, предусмотренные ч. 2 ст. 9 УК РБ 1999 г., Президиум Верховного Суда Республики Беларусь постановил освободить А. от наказания, назначенного по ч. 3 ст. 213 УК 1960 г. [2].

Это положение имеет свое обоснование как в доктрине уголовного права, так и в законодательстве. Косвенное тому подтверждение мы можем найти в ч. 2 ст. 66 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», где сказано, что «придание обратной силы нормативному правовому акту не допускается, если он предусматривает введение или усиление ответственности граждан и юридических лиц за действия, которые на момент их совершения не влекли указанную ответственность или влекли более мягкую ответственность. Нормативные правовые акты, иным образом ухудшающие положение граждан и юридических лиц (возлагающие дополнительные (увеличенные) по сравнению с ранее существовавшими обязанности или ограничивающие в правах либо лишаящие имеющихся прав), не имеют обратной силы, если иное не предусмотрено законодательными актами».

Однако более точное указание по этому вопросу можно вывести, обратившись к ст. 7 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2000 г. № 424-З

«О введении в действие Уголовного кодекса Республики Беларусь», где буквально сказано следующее: «При применении статей Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь с административной или дисциплинарной преюдицией, не содержащихся на 1 января 2001 года в Уголовном кодексе Республики Беларусь 1960 года, лицо признается не подвергавшимся административному или дисциплинарному взысканию, если оно наложено на него до 1 января 2001 года». Дословное прочтение данного положения свидетельствует о том, что если вводится уголовно-правовая норма с административной преюдицией в текст закона, то административные правонарушения, которые образуют в последующем преступление, должны быть совершены после вступления в силу уголовного закона, предусматривающего состав преступления с признаками административной преюдиции.

Некоторые юристы даже стали называть это правило универсальным. Таким образом, констатируется, что закон, устанавливающий уголовную ответственность за административное правонарушение на основе его повторного совершения в состоянии административно-правового рецидива, распространяет свое действие только на указанные в этой статье деяния, совершенные после вступления в силу этого закона. Такой закон не имеет обратной силы. При этом важно подчеркнуть, что данное правило касается и первичного правонарушения, составляющего уголовно-правовую основу преюдициальности [3, с. 72].

Трудно не заметить, что данный подход основан на понимании административной преюдиции как составной части объективной стороны состава преступления. Он базируется на так называемом накопительном деятельно-субъективном способе признания противоправного деяния в качестве преступного в случае совершения лицом административного правонарушения в состоянии административно-правового рецидива. Таким образом, такая система уголовно-правовой криминализации повторно совершаемого деяния основана на ступенчатой оценке преюдициальных последствий административной ответственности лица за предыдущее (такое же) деяние, которая оказалась нерезультативной в отношении этого субъекта. Поэтому, как отмечает В. М. Хомич, «преюдиция в уголовном праве – объективный признак уголовной противоправности, основанный на свойствах повторяемости деяния-правонарушения порождать при определенных условиях новое правовое состояние (качество) правонарушающего деяния. Таким условием в данном случае является не просто повторное совершение лицом административного правонарушения, а повторное совершение этого же правонарушения в состоянии административно-правового рецидива. Вследствие чего совершаемое повторно это правонарушение аккумулируется (объективируется) в более дерзком по степени опасности и противоправности виде –

в виде совершения уголовно-противоправного деяния (преступления)» [3, с. 72].

Сказанное означает, что в таком случае преступлением признается не одно деяние, а все три (или два) акта в совокупности, которые приобретают новое свойство. А раз два предыдущих акта (деяния) были совершены до момента вступления в силу новой уголовно-правовой нормы с признаками преюдиции, то и для констатации преступления необходимо, чтобы все противоправные акты (деяния), в том числе и первичные административные правонарушения, были совершены после введения правовой нормы в уголовный закон.

Вместе с тем, если исходить из того, что существенное значение в данном случае имеет личность правонарушителя, и собственно говоря, административная преюдиция связана с субъектом правонарушения, а не с признаками объективной стороны, то ситуация коренным образом меняется, и тогда уже решающее значение имеет факт совершения последнего административного правонарушения, которое и образует в последующем преступление. Но преступлением оно является не ввиду кратности совершаемых действий, а исходя из опасности лица, его учинившего. Отчасти такой подход мы можем наблюдать в науке уголовного права и правоприменительной практике Российской Федерации.

Так, Ю. Е. Пудовочкин при рассмотрении указанной проблемы делает упор на совсем другом обстоятельстве и говорит о том, что «лицо, совершившее административный проступок до введения в действие нормы уголовного закона о преступлении с административной преюдицией, осознает опасность такого проступка, осознает оно и свой особый правовой статус лица, подвергнутого административному наказанию. После вступления в силу соответствующих положений УК такое лицо при исполнении конституционной обязанности соблюдения надлежащим образом требований принятого и опубликованного закона должно осознавать правовые последствия совершения аналогичного административного проступка, причем именно им. Следовательно, оно всегда имеет возможность осознанного выбора того или иного варианта поведения, в связи с чем принципы законности и личной виновной ответственности не будут нарушены в таком случае, если первый административный проступок лицо совершает до включения в УК нормы с административной преюдицией, а второй проступок – после» [4, с. 18–19]. Вместе с тем вопрос в данном случае о том, нарушаются ли принципы законности и виновности – весьма спорный, притом, что если начать его толковать по признакам того, что все сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого, ситуация может измениться коренным образом.

Формально в данном вопросе можно сослаться и на правоприменительную практику Российской Федерации, и в частности, на определение Конституционного Суда Российской Федерации от

27 июня 2017 г. № 1410-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Авраменко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», где акцентировано внимание на том обстоятельстве, что «любое привлечение к уголовной ответственности предполагает, что ее основанием может быть лишь обладающее опасностью для личности, общества или государства деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, которые должны быть присущи ему в момент совершения; составы преступлений, субъектом которых может быть лишь физическое лицо, ранее подвергнутое административному наказанию за аналогичное противоправное деяние, не предполагают возможность наступления уголовной ответственности за те нарушения, за которые лицо уже было подвергнуто административному наказанию; конструкция этих составов увязывает наступление уголовно-правовых последствий соответствующего противоправного деяния с совершением его лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение» [5].

Следовательно, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, уголовная ответственность лица, управляющего транспортным средством и не выполнившего законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, связана, в частности, с тем, что на момент совершения этого деяния лицо было подвергнуто административному наказанию, т. е. с наличием у такого лица состояния административной наказанности. Это не означает наступления уголовной ответственности за те ранее совершенные нарушения, за которые лицо уже было подвергнуто административному наказанию. Таким образом, ст. 264.1 УК РФ, допускающая возможность привлечения к уголовной ответственности лица, подвергнутого административному наказанию за соответствующее административное правонарушение до вступления этой нормы в силу, но находящегося в состоянии административной наказанности за него на момент совершения предусмотренного этой нормой деяния, не может расцениваться как нарушающая конституционные права заявителя в указанном им аспекте.

Верховный Суд Российской Федерации также предлагает идти по указанному пути и учитывать для целей ст. 264.1 УК РФ административное наказание, назначенное лицу до 1 июля 2015 г. за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. При этом он исходит из того, что поскольку лицо, подвергнутое административному наказанию за указанное правонарушение до 1 июля 2015 г., совершая аналогичное правонарушение после 30 июня 2015 г., *осознает,*

что совершает уголовно наказуемое деяние, запрещенное ст. 264-1 УК РФ [6].

Тем не менее нам представляется, что вопрос здесь не заключается только в характере осознания лицом опасности совершенного им проступка и выборе того или иного варианта поведения. Важен другой аспект проблемы. Если мы отрицаем то, что административная преюдиция является элементом объективной стороны состава преступления и не рассматриваем ее как некое сложное единичное преступление, то тогда логичнее было бы исходить из посыла о том, что ключевым в понимании административной преюдиции является субъект преступления (или квазиспециальный субъект). Прямую аналогию в этом случае можно проводить с рецидивом преступлений.

В данной ситуации важно то, что при установлении преступления с признаками административной преюдиции в расчет принимаются те черты личности, которые предопределяют его противоправное поведение. При этом мы должны говорить об общественной опасности субъекта, совершившего многократное повторение одного и того же проступка. И здесь каждое последующее кратное правонарушение влечет наступление уголовной ответственности не по причине перерастания количества в качество, а потому, что опасно само лицо, допустившее многократное нарушение закона. Безусловно, такое лицо осознает характер допускаемых им нарушений и то, что оно уже ранее привлекалось к ответственности. При этом нужно исходить из того, что если сегодня при дифференциации уголовной ответственности мы учитываем опасные свойства личности, то такой же подход следует применять и при криминализации общественно опасных деяний. А это может свидетельствовать только о том, что факт предшествующего привлечения лица к административной ответственности не ухудшает положение лица при решении вопроса о криминализации того или иного поведения. Здесь опасно само лицо, имеющее предшествующую административную наказанность, и если это лицо в очередной раз допускает нарушение одного и того же правила, оно должно влечь, при определенных условиях, более строгую ответственность.

Именно по этой причине законодатель предусматривает возможность усиления уголовной ответственности в отношении лица за очередное совершение им умышленного деяния в период административной наказанности. Соответственно, если такое лицо демонстративно игнорирует существующие предписания и сознательно их нарушает, противопоставляя себя окружающим, то речь необходимо вести не столько об опасности совершенного деяния (оно все равно остается проступком, независимо от того, кто конкретно его совершил и в каком случае), сколько об опасности лица, многократно его совершающего [7; 8]. Административное правонарушение так и остается таковым вне времени совершения лицом

последующих противоправных действий. И эти противоправные действия влекут самостоятельную правовую оценку и никоим образом не связаны с ухудшением положения лица, совершившего очередное деяние, но наказываемое теперь в уголовно-правовом, а не в административном порядке.

Можно поставить вопрос и иначе. Что помещается в сущностном плане, если лицо совершит административное правонарушение, а потом повторит его, и это уже будет влечь уголовную ответственность в период, когда в уголовный закон будет введена норма с признаками административной преюдиции? И эту ситуацию мы сравниваем с той, когда изначально административное правонарушение было совершено виновным лицом до введения нормы с административной преюдицией в УК, а второе деяние было совершено уже после этого факта. В количественно-качественном отношении ничего не меняется, т. к. неизменной остается сущность самого деяния и лица, его совершившего. Почему тогда мы ведем речь об ухудшении положения лица в одном из случаев? Ведь общественная опасность преступления определяется не только сугубо совершенным деянием, но и тем, какой эффект может воспроизвести многократно повторяемое деяние в рамках запрещаемой модели поведения [9; 10].

Таким образом, сегодня мы вынуждены констатировать, что административная преюдиция в большей степени связана с общественной опасностью лица, совершившего деяние, а не с самим деянием как таковым, ибо общественная опасность связана не только с деянием, но и с личностью деятеля. Иначе говоря, принципиальное значение в рассматриваемом вопросе имеет не объективная сторона состава преступления, а специальный субъект преступления – лицо, допустившее тождественное, повторное деяние, за которое ранее оно привлекалось к административной ответственности.

Применительно же к рассматриваемому примеру о привлечении лица одновременно к уголовной и административной ответственности отметим следующее. Вопрос этот следует рассматривать через широко известный принцип *non bis in idem* (никто не может быть привлечен к ответственности дважды за одно и то же). И если исходить из того, что, как следует из вышеприведенного примера, правоприменитель решил, что действия С. являются административным правонарушением, и привлек виновного к административной ответственности, то он тем самым обозначил свою позицию относительно того, что кратность административных правонарушений, которая образует признаки уголовно наказуемого деяния в соответствии со ст. 317² УК РФ, должна иметь место после введения уголовно-правового запрета в текст УК. Однако другой правоприменитель решил иначе.

Тем не менее привлечение лица к административной (а в ряде случаев к иной публично-правовой ответственности) за совершенное правона-

рушение исключает повторное привлечение лица к уголовной ответственности за это же деяние. Вступившее в силу и не отмененное решение о привлечении лица к административной ответственности за совершение деяний, вмененных ему в вину органами предварительного следствия, является препятствием для вынесения приговора (в нашем случае в части осуждения С. по ч. 1 ст. 317² УК РБ).

Следовательно, привлечение лица к административной ответственности возможно только при условии отсутствия в деянии признаков состава преступления. Привлечение лица по одному и тому же основанию одновременно к уголовной и административной ответственности недопустимо.

Полагаем, что это правило в полной мере касается и составов преступлений, предусматрива-

ющих признаки административной преюдиции. Независимо от того, как понимать административную преюдицию в структуре преступления (как признак объективной стороны или как признак специального субъекта преступления), факт привлечения лица за повторное или неоднократное правонарушение именно к административной, а не к уголовной ответственности не может в дальнейшем служить повторным основанием для того, чтобы виновное лицо уже за совокупность повторяемых тождественных деяний было привлечено к уголовной ответственности. Это лицо за каждый такой факт уже было привлечено к административной ответственности и подвергнуто взысканию. По этой причине никто не может нести дважды ответственность за одно и то же деяние.

Библиографический список

1. Приговор суда Центрального района г. Минска от 24 ноября 2021 г. Уголовное дело № 2-1/415.
2. Постановление Президиума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 сентября 2012 г. Доступ из СПС «Эталон».
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: научно-практический комментарий / под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. Минск: НЦПИ, 2019. 1000 с.
4. Пудовочкин Ю. Е. Проблемы квалификации преступлений с административной преюдицией (судебная практика). Москва: Юрлитинформ, 2022. 208 с.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2017 года № 1410-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Авраменко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
6. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению положений статьи 159.4 в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 года №32-П и статьи 264.1 УК РФ. Утверждены Президиумом Верховного Суда РФ 31.07.2015. URL: <https://www.vsrp.ru/files/15028/>.
7. Хилюта В. В. Административная преюдиция в структуре состава преступления // Уголовное право. 2021. № 7 (131). С. 56–63. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46374431>.
8. Хилюта В. В. Феномен административной преюдиции в контексте понимания сущности преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5, № 17. С. 117–136. DOI: <http://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-17-117-136>.
9. Лобанова Л. В., Лепская М. Ю. Некоторые аспекты использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Юридическая наука. 2017. № 6. С. 63–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32739071>.
10. Безверхов А. Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия Право. 2011. № 2. С. 39–52.

References

1. *Prigovor suda Tsentral'nogo raiona g. Minska ot 24 noyabrya 2021 g. Ugolovnoe delo № 2-1/415* [Verdict of the Central District Court of Minsk dated November 24, 2021. Criminal case № 2-1/415] [in Russian].
2. *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda Respubliki Belarus' ot 23 sentyabrya 2012 g.* [Decision of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Belarus as of September 23, 2012]. Retrieved from LRC «Etalon» [in Russian].
3. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Belarus': nauchno-prakticheskii kommentarii / pod red. V. M. Khomicha, A. V. Barkova, V. V. Marchuka* [Khomich V. M., Barkov A. V., Marchuk V. V. (Eds.) Criminal Code of the Republic of Belarus: scientific and practical commentary]. Minsk: NTsPI, 2019, 1000 p. [in Russian].
4. Pudovochkin Yu. E. *Problemy kvalifikatsii prestuplenii s administrativnoi preyuditsiei (sudebnaya praktika)* [Problems of characterization of crimes with administrative precedence (judicial practice)]. Moscow: Yurlitinform, 2022, 208 p. [in Russian].
5. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24 iyunya 2017 goda № 1410-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Avramenko Vladimira Nikolaevicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav stat'ei 264.1*

Ugolovnoogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii» [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation as of June 24, 2017 № 1410-О «On refusal to accept the complaint of citizen Avramenko Vladimir Nikolaevich about violation of his constitutional rights by Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation»]. Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27062017-n-1410-o/> [in Russian].

6. *Otvety na voprosy, postupivshie iz sudov, po primeneniyu polozhenii stat'i 159.4 v svyazi s postanovleniem Konstitutsionnogo Suda RF ot 11 dekabrya 2014 goda №32-P i stat'i 264.1 UK RF. Utverzhdeny Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 31.07.2015* [Answers to the questions received from the courts on the application of the provisions of Article 159.4 in connection with the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation as of December 11, 2014 № 32-P and Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 31.07.2015]. Available at: <https://www.vsrfr.ru/files/15028/> [in Russian].

7. Khilyuta V. V. *Administrativnaya preyuditsiya v strukture sostava prestupleniya* [Administrative precedence in the structure of the corpus delicti]. *Ugolovnoe pravo*, 2021, no. 7 (131), pp. 56–63. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46374431> [in Russian].

8. Khilyuta V. V. *Fenomen administrativnoi preyuditsii v kontekste ponimaniya sushchnosti prestupleniya* [Phenomenon of administrative prejudice in the context of understanding the essence of crime]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* [Current Issues of the State and Law], 2021, vol. 5, no. 17, pp. 117–136. DOI: <http://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-17-117-136> [in Russian].

9. Lobanova L. V., Lepskaya M. Yu. *Nekotorye aspekty ispol'zovaniya administrativnoi preyuditsii v ugovnom zakonodatel'stve* [Some aspects of the use of administrative precedence in the criminal legislation]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2017, no. 6, pp. 63–69. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32739071> [in Russian].

10. Bezverkhov A. G. *Administrativnaya preyuditsial'nost' v ugovnom zakonodatel'stve Rossii: istoki, realii, perspektivy* [Administrative precedence in the criminal legislation of Russia: origins, realities, prospects]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya Pravo*, 2011, no. 2, pp. 39–52. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17857972> [in Russian].